

Э
Т
И
М
О
Л
О
Г
И
Ч
Е
С
К
А
Я
С
Т
Р
А
Н
И
Ч
К
А

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА „трын-трава“?

Это известное в русском просторечии выражение в значении «все нипочем, все пустяки» впервые отмечено в академическом издании «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. Но это явно запоздалая фиксация. Известны случаи более раннего употребления его, а именно в пушкинскую эпоху, в конце первой четверти XIX в. В 1825 г. А. С. Пушкин в письме к Жуковскому писал: «Пишу по-французски, потому язык этот деловой и мне более по перу. Впрочем да будет твоя воля; если покажется это непристойным, то можно перевести, а брат переписшет и подпишет за меня. Все это тринь-трава».

Выражение *трын-трава*, отмеченное в пушкинском употреблении в своих уже исторически пройденных формах произношения, долгое время не обращало на себя внимания лексикографов. Может быть, это «невнимание», являясь традиционным, идет еще от XVIII в., когда выражение могло уже сложиться и употребляться в языке.

В пользу этого предположения могли бы говорить некоторые данные из истории его происхождения...

Выражение *трын-трава*, как нетрудно заметить, заключает в себе загадочное слово *трын*. Откуда оно? Какова его природа? Таинственное *трын*, как показали наблюдения, есть не что иное, как фонетически преобразованное *крин* (от греч. κρίνον), обозначающее «цветок лилия». Все важнейшие словари, от поликарповского «Лексикона трехязычного» (М., 1704) до академического «Словаря современного русского литературного языка» (М.—Л., 1965), отмечают это значение, переводя слово *крин* как *лилия*. Перед нами, таким образом, освобожденное от фонетических напластований сочетание *крин трава*, которое является чисто ботанически-врачебным обозначением лекарства или растительного «сырья», из которого это лекарство готовится. В «Индексе или оглавлении вещества» к «врачевской» рукописной книге конца XVII в. «О тайнахъ женскихъ и о силахъ травъ, каменіи и звѣрей некихъ» Альберта Великого (1695) значится следующая синтетическая формула: *кринъ, ліліа бѣла, трава*. Здесь представлены, по существу, два сложных синонимических названия: *кринъ трава* и *ліліа бѣла трава*. В данных сочетаниях слово *трава* выражает не понятие рода, а понятие части целого и называет лишь ту часть растения, которая берется для изготовления лекарства¹. Ср. подобные названия, встречающиеся в травниках-лечебниках XVII—XVIII вв.: «розмаринъ трава в фряжскомъ вине варень...» («от удущья как лечиться»), «стародубку траву выбирать такую, на которой бы был цветъ красенъ с пробелью...» и т. д.² В приведенных примерах терминологические сочетания (розмарин трава, стародубка трава) обозначают соответственно «траву розмарина» (или «трава розмарин»), «траву стародубки» (или «трава стародубка»). Равным образом *крин трава* обозначает «траву крин» (или «трава крин»).

Подобный принцип номинации сохраняется и в терминологии современной фармакогнозии — науки о лекарственных растениях. Ср. в «Государственной фармакопее СССР» (1961) следующие названия: *горицвет, трава; ландыш, трава; зверобой, трава* и под. Под словом *трава* в подобных названиях понимают высушенные надземные части травянистых растений, состоящих из листовых и цветеносных стеблей. А. Ф. Гаммерман в предисловии к своей книге «Курс фармакогнозии» (Л., 1960) указывает на то, как создается название лекарственных растений или лекарства. Обычно оно составляется из двух слов: одно указывает на употребляемый предмет (корень, лист и пр.), а другое — на присвоенное ему наименование. (Ср. названия: *одуванчик, корень; ромашка, цветки* и пр.)

Таким образом, терминологическое сочетание *крин трава*, отмеченное в памятниках конца XVII в. и обнаруживающее в своем составе несомненную близость к современному *трын-трава*, и явилось той речевой основой, на которой это последнее возникло. Выражение могло метафоризироваться в речи тех людей, которые так или иначе сталкивались с цветами и травами: лекарей, врачей, «травников» и пр. Фонетические изменения в слове *крин* произошли, очевидно, под воздействием ассимилирующего начального *т* в слове *трава*³.

А. М. Сандлер

¹ Траве *крин*, судя по описанию Альберта Великого, придавалась колдовская сила. Если лекарство, изготовленное с помощью *крин травы*, положить «на шю чю или на одежду, то никогда же уснетъ, и спати не возмозжетъ, дондеже отимется»; если же им кого-нибудь «помазати», тотчас «впадет ему огневца».

² См.: «Лечебник» XVII в., ф. 310, № 696, л. 57 об.; «Травник» XVIII в., ф. 218, № 357, л. 54 об., 264 об. (в отделе рукописей б-ки им. В. И. Ленина).

³ Вполне возможно, что значение и форма этого нового выражения определялись в экспрессивной речи синхронно.